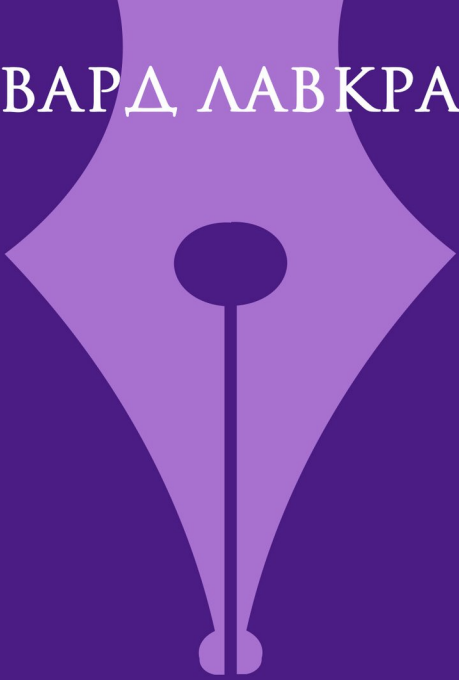
ГОВАРД ЛАВКРАФТ



ФАКТЫ, ИМЕЮЩИЕ ОТНОШЕНИЕ К ПОКОЙНОМУ АРТУРУ ДЖЕРМИНУ И ЕГО СЕМЬЕ

Факты, имеющие отношение к покойному Артуру Джермину и его семье

Говард Филлипс Лавкрафт

Аннотация
Говард Филлипс Лавкрафт. Факты, имеющие отношение к покойному Артуру Джермину и его семье
Примечания

Аннотация

Американский писатель Говард Филлипс Лавкрафт при жизни не опубликовал ни одной книги, печатаясь только в журналах. Признание пришло к нему спустя десятилетия после смерти. Лавкрафта называют основателем литературы «сверхъестественного ужаса», «литературным Коперником» и «Эдгаром По XX века». Фигура писателя окружена покровом домыслов, мифов и загадок.

Говард Филлипс Лавкрафт
Факты, имеющие отношение к покойному Артуру Джермину и его семье

© Чарный В., перевод на русский язык, 2024
© Володарская Л., примечания. Наследник, 2024
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

* * *

I

Жизнь как таковая отвратительна, и на фоне того, что мы знаем о ней, вырисовываются фрагменты дьявольской истины, что иногда делает ее в тысячу раз омерзительней. Наука уже удручает нас своими потрясающими открытиями и, возможно, в конечном счете послужит полному уничтожению нашего вида — если, конечно, мы действительно можем считаться отдельным видом, — так как рассудку смертных не снести еще не разгаданных ужасов, таящихся в ее резерве, если те вырвутся в свет. Если бы мы знали, чем являемся на самом деле, нам следовало бы поступить подобно сэру Артуру Джермину, однажды ночью облившему себя керосином и поднесшему зажженную спичку к пропитавшейся им одежде. Никто не удосужился поместить его обугленные останки в урну или воздвигнуть для него надгробие с эпитафией, так как после его смерти обнаружились некоторые документы и некий *предмет*, помещенный в ящик, и люди предпочли позабыть о нем. Те, кто был с ним знаком, даже не вспоминают о том, что он некогда числился в мире живых.

Артур Джермин отправился на болота и совер-

шил самосожжение, едва увидев тот *предмет*, что скрывался в ящике, привезенном из Африки. Именно этот *предмет*, а не его необычная внешность, стал причиной самоубийства. Многие бы предпочли умереть, нежели выглядеть так, как Артур Джермин, но его, поэта и ученого, не тревожил собственный причудливый облик. Страсть к наукам была у него в крови, ведь его прадед, сэр Роберт Джермин, баронет, был известным антропологом, а его прапрапрадед, сэр Уэйд Джермин, одним из первых исследовал бассейн реки Конго, посвятив тома научных трудов его племенам, животным и предполагаемым памятникам древности. Безусловно, жажда знаний сэра Уэйда была сродни мании; его невероятные гипотезы о существовании белой доисторической конголезской цивилизации подверглись осмеянию, когда была издана его книга «Результаты изучения некоторых регионов Африки». В 1765 году бесстрашного исследователя поместили в дом умалишенных в Хантингдоне.

Печать безумия лежала на доме Джерминов, и люди радовались, что род их немногочислен. На их фамильном древе не было ветвей, и Артур был последним потомком. Кто знает, что бы он сделал, когда прибыл тот *предмет*, будь все

иначе. Джермины всегда отличались своеобразной внешностью — что-то дурное сквозило в ней, и Артуру повезло меньше всех, хотя лица на фамильных портретах задолго до сэра Уэйда отличались благородством. Без сомнения, сэр Уэйд пал первой жертвой недуга, и его дикие рассказы об Африке одновременно служили источником наслаждения и ужаса для его новых друзей. Безумие проявлялось в его коллекции трофеев и образцов, которые не стал бы ни собирать, ни хранить ни один нормальный человек, и еще разительнее в совершенно восточной манере, с какой он держал в заключении собственную жену. По его словам, она была дочерью португальского купца, повстречавшегося ему в Африке, и ей претили английские порядки. В Африке у них родился сын, и она сопровождала его во второй, наиболее длительной экспедиции, как и в третьей, что стала ее последним путешествием, откуда она не вернулась. Никто толком не видел ее, и даже слуги не смели приближаться к ней, поскольку она была жестокой и своенравной. Во время своего недолгого пребывания в поместье Джерминов она занимала отдельное крыло, и только муж посещал ее. Попечительность сэра Уэйда в отношении собственной семьи была в высшей

степени примечательной; вновь отправляясь в Африку, он не позволил заботиться о своем маленьком сыне никому, кроме вызывающей отвращение чернокожей женщины из Гвинеи. По возвращении, после смерти леди Джермин, он лично занялся воспитанием мальчика.

Но главной причиной, по которой его друзья сочли его психически нездоровым, было то, о чем он говорил, особенно под хмелем. В столь рационалистичный век, как восемнадцатый, образованному человеку не пристало говорить о диких зрелищах и неслыханных картинах под луной Конго, о колоссальных, полуразрушенных, увитых лианами стенах и колоннах затерянного города и о сырых, безмолвных каменных ступенях, ведущих в неизмеримую земную бездну к сокровищницам и необъятным подземельям. Особенно неразумным было то, как исступленно он вещал о живых существах, что могут обитать в подобном месте; о детищах джунглей и богомерзкого древнего города, поразительных тварях, которых даже Плиний[1] счел бы вымышленными; о тех бестиях, что, должно быть, появились, когда высшие приматы заполонили

[1] Примечания: 1

Плиний — имеется в виду Плиний Старший (23 или 47–79), римский писатель, автор «Естественной истории» в 37 книгах.

вымирающий город с его стенами и колоннами, подземельями и причудливыми письменами. Более того, вернувшись домой из своего последнего путешествия, сэр Уэйд продолжал вести те же речи с пугающей до дрожи пылкостью, большей частью после третьего стакана, пропущенного в «Голове рыцаря», хвастаясь тем, что обнаружил в джунглях, и тем, как жил среди ужасных руин, о существовании которых было известно ему одному. В конце концов он стал говорить об этих созданиях столь непристойные вещи, что его поместили в сумасшедший дом. Он почти не жалел о том, что оказался в хантиндонгской палате с решетками на окнах, так как ход его мыслей был непредсказуемым. Чем старше становился его сын, тем сильнее он ненавидел свое родовое поместье, пока, наконец, оно не стало вселять в него ужас. Его штаб-квартирой стала «Голова рыцаря», и, оказавшись в заключении, он даже испытывал нечто вроде благодарности, считая, что находится под защитой. Спустя три года он умер.

Сын Уэйда Джермина, Филип, был в высшей степени странным человеком. Несмотря на значительное внешнее сходство с отцом, его черты и манеры были столь грубыми, что все его сторонились. Хотя он и не страдал от наслед-

ственного умопомешательства, которого многие страшились, но был непроходимым тупицей, подверженным кратким вспышкам неконтролируемой агрессии. Ростом он был невысок, но обладал невероятной силой и ловкостью. Спустя двенадцать лет после того, как он вступил в наследные права, он женился на дочери своего егеря, о котором говорили, что кровь у него цыганская, но, даже не дождавшись рождения сына, он ушел служить на флот в качестве простого матроса, и всеобщее отвращение, вызванное его повадками и мезальянсом, возросло еще сильнее. Когда завершилась Американская революция, прошел слух о том, что он нанялся на торговое судно, отправлявшееся в Африку, где заслужил признание команды благодаря своей силе и умению проворно взбираться на большую высоту, и как-то ночью, когда корабль отходил от берега Конго, бесследно исчез.

Наследственные черты семейства, к тому времени уже общеизвестные, необычным и фатальным образом проявились в сыне сэра Филипа Джермина. Роберт Джермин, высокий, вполне приятной наружности, обладал своеобразным восточным изяществом, несмотря на некоторую непропорциональность сложения, избрав путь

ученого и исследователя. Он впервые применил научный подход в изучении обширной коллекции реликвий, привезенной его дедом из Африки, прославив родовое имя среди этнологов так же, как его пращуры в среде натуралистов. В 1815 году он сочетался браком с дочерью седьмого виконта Брайтхолма, и впоследствии она родила ему троих детей, старшего и младшего из которых никто никогда не видел из-за их телесного уродства и умственной неполноценности. В попытке избыть горе, постигшее его семью, он искал утешения в трудах и возглавил две продолжительные экспедиции во внутреннюю Африку. В 1849 году его второй сын, Невил, человек весьма неприятный, в ком сочетались угрюмость Филипа Джермина и заносчивость Брайтхолмов, сбежал из отчего дома с трактирной плясуньей, но получил прощение, появившись спустя год. В поместье Джерминов он вернулся вдовцом с маленьким сыном Альфредом, которому однажды суждено было стать отцом Артура Джермина.

Друзья говорили, что разум сэра Джермина помутился в результате череды этих тягостных событий, но возможно, причиной непоправимого бедствия явились всего лишь некоторые африканские предания. Пожилой ученый соби-

рал легенды племени онга, обитавшего вблизи регионов, бывших предметом исследований его деда и его собственных, в надежде истолковать невероятные истории сэра Уэйда о затерянном городе, населенном странными гибридными созданиями. В записях его предка прослеживалась определенная системность, и можно было предположить, что его воображение распаляли предания местных племен. 19 октября 1852 года в Джермин-Хаус явился этнограф Сэмюэль Ситон с кипой путевых заметок, сделанных во время пребывания среди племен онга, уверенный, что некоторые легенды о городе из серого камня, где жили белые обезьяны и правил белый бог, могут представлять ценность для коллеги. Свой рассказ он, должно быть, сопровождал множеством подробностей, содержание которых навсегда останется тайной, поскольку сразу вслед за этим произошло несколько чудовищных событий. Сэр Роберт Джермин выбежал из библиотеки, где остывало тело задушенного исследователя, и, прежде чем его успели остановить, убил всех своих детей: и блудного сына, и тех двоих, которых никто никогда не видел. Невил Джермин погиб, но сумел спасти своего двухлетнего мальчика, которого также намеревался лишить жизни

обезумевший старик. Сам сэр Роберт после многочисленных попыток покончить с собой наотрез отказывался с кем-либо говорить и скончался от апоплексического удара спустя два года, проведенных в заключении.

Сэр Альфред Джермин стал баронетом, когда ему не было и четырех лет, но вкусы его не совпадали с унаследованным титулом. В двадцать лет он стал артистом театра варьете, а в тридцать шесть бросил жену и ребенка, устроившись в бродячий американский цирк. Смерть его была чудовищной. Среди животных, что содержались в цирке, был самец гориллы, отличавшийся необыкновенно светлым цветом шерсти, на удивление кротким нравом и бывший любимцем всей труппы. Это животное очаровало и Альфреда, и нередко они подолгу смотрели друг на друга через разделявшую их решетку. Спустя некоторое время Альфред попросил разрешения дрессировать животное и добился таких успехов, что и публика, и артисты были в восторге. Как-то утром в Чикаго проходила репетиция боксерского поединка между гориллой и Альфредом, и самец ударил его куда сильнее обычного, не только причинив ему сильную боль, но и задев самолюбие начинающего укротителя. Артисты

труппы «Величайшего шоу на Земле» предпочитают не вспоминать о том, что случилось впоследствии. Неожиданно для всех сэр Альфред Джермин издал пронзительный, нечеловеческий вопль, обеими руками вцепился в своего незадачливого оппонента, повалив его на пол клетки, и принялся рвать его глотку зубами. Застигнутый врасплох примат недолго медлил, и, прежде чем успел вмешаться более опытный дрессировщик, от баронета остался лишь до неузнаваемости изувеченный труп.

II

Артур Джермин был сыном сэра Альфреда Джермина и безвестной каскадной певички. Когда отец и муж покинул семью, мать поселилась с ребенком в поместье Джерминов, где уже не осталось никого, кто мог бы ей воспрепятствовать. Она имела некое представление о том, как должно воспитывать дворянина, и пустила все имеющиеся скромные средства на то, чтобы ее сын получил как можно лучшее образование. Семейное состояние к этому времени весьма оскудело, и особняк находился в плачевном состоянии, но юный Артур полюбил старинный дом, как и все, что в нем было. Он совершенно не

был похож на кого-либо из прежних Джерминов, будучи поэтом и мечтателем. Кое-кто из соседей, еще помнивших истории о том, как старый Уэйд Джермин прятал от всех свою жену-португалку, объявил, что так, должно быть, себя проявила ее романская кровь, но большинство глумилось над его чувствительностью ко всему прекрасному, считая, что в том заслуга его безродной мамаши из мюзик-холла. Поэтическая утонченность Артура Джермина была примечательной еще и потому, что облик его был исключительно грубым. Во внешности многих Джерминов было нечто странное и пугающее, но Артур превзошел их всех. Трудно сказать, на кого он был похож, но его физиономия, лицевой угол и длина его рук обескураживали всех, кто видел его впервые.

Столь отталкивающий облик с лихвой компенсировали его умственные способности и характер. Способный к наукам, одаренный, он был одним из лучших выпускников Оксфорда и, казалось, мог вновь прославить имя Джерминов на поприще науки. Невзирая на поэтический, а не научный склад ума, он пожелал продолжить труд своих пращуров в области африканской этнологии и связанных с ней древностей с помощью чудесной, хоть и пугающей, коллекции

сэра Уэйда. Живое воображение часто рисовало ему картины доисторической цивилизации, в которую так истово верил безумный исследователь, и сплетало воедино его рассказы о безмолвном городе в джунглях, упоминавшемся в его сумасбродных записях и заметках. Туманные изречения о безымянной, еще не изученной расе гибридов из джунглей пробуждали в нем ужас, мешавшийся с любопытством, и он часто размышлял о возможной подоплеке этих фантазий, ища ответ в более поздних сведениях, собранных по крупицам его прадедом и Сэмюэлем Ситоном среди племен онга.

В 1911 году, после смерти матери, сэр Артур Джермин принял решение во что бы то ни стало добраться до истины. Он продал часть имения, приобрел необходимое снаряжение, собрал экспедицию и отплыл в Конго. При поддержке бельгийских властей он нанял партию гидов, проведя следующий год в землях онга и калири, и то, что ему удалось узнать, превзошло самые смелые ожидания. В одном из племен калири нашелся старый вождь Мвану, обладавший не только хорошей памятью, но и незаурядным интеллектом, а кроме того, интересом к древним преданиям. Этот старик подтвердил все, что было

известно Джермину из рассказов и записей прадеда, изложив и свою версию легенды о каменном городе и белых обезьянах в том виде, в каком она передавалась из поколения в поколение.

Мвану утверждал, что ни города из серого камня, ни гибридных созданий больше не существует, так как много лет назад их уничтожили воинственные нбангу. Воины этого племени разрушили большинство зданий, убивая все живое, и похитили мумию богини, ради которой и совершили свой набег; этой богине поклонялись странные создания, и в Конго считали, что в этой белой человекообразной обезьяне воплотилась та, что когда-то правила ими. Мвану не знал, что собой представляли те, кто населял город, но считал, что именно они возвели его. Не сумев прийти к какому-либо заключению, Джермин все же записал красочную легенду о мумии богини.

В ней говорилось, что повелительница обезьян стала женой великого белого бога, явившегося с Запада. Они долго правили городом вместе, но после рождения сына покинули те края втроем. Позднее бог вернулся вместе с женой и, когда она умерла, забальзамировал ее тело, выставив на обозрение в каменном храме, где ей поклонялись. Затем он снова оставил город. У этой легенды

имелось три различных продолжения. Согласно первому, мумия белой богини стала символом власти, который жаждали заполучить племена. Именно по этой причине ее похитили нбангу. Во втором варианте белый бог вернулся, чтобы умереть у ног священной мумии своей жены. Третья же версия гласила, что в город явился их сын, возмужав, либо став обезьяной, либо став богом, ничего не зная о своем происхождении. Воистину, воображение чернокожих не знало границ, придав совершенно фантастический колорит и без того нелепой легенде.

Теперь Артур Джермин окончательно уверился в том, что описанный сэром Уэйдом город в джунглях действительно существует, и потому не удивился, когда в начале 1912 года обнаружил то, что от него осталось. Город был много меньше, чем говорилось в легендах, но по разбросанным повсюду каменным блокам можно было судить, что это не просто туземная деревня. К сожалению, на камнях не удалось найти следов древней письменности, и малочисленность экспедиции не позволяла как следует расчистить найденный проход в подземелье, упоминавшееся сэром Уэйдом. О белых обезьянах и мумии богини говорили со всеми вождями племен, обитавших в

той местности, и оставалось лишь убедиться в правдивости слов старого Мвану, спросив об этом кого-то из европейцев. Господин Верхерен, бельгийский торговый агент в фактории Конго, был уверен в том, что сможет не только найти, но и заполучить мумию богини, о которой он слышал, так как некогда могучие нбангу теперь присягнули на верность королю Альберту, и нетрудно было убедить их расстаться с некогда похищенным жутким божеством. Отплывая в Англию, Джермин торжествовал при мысли о том, что через несколько месяцев завладеет бесценной этнологической реликвией, подтверждающей самые дикие из историй его прапрапрадеда, во всяком случае те, что ему доводилось слышать. Быть может, жители окрестностей Джермин-Хаус от своих предков знали и куда более невероятные истории, которые рассказывал сам сэр Уэйд, сидя в кругу слушателей за столом в «Голове рыцаря».

Артур Джермин терпеливо дожидался посылки от господина Верхерена, усердно изучая записи своего безумного предка. Он начал ощущать свою схожесть с сэром Уэйдом и принялся разыскивать сохранившиеся упоминания о его личной жизни в Англии и африканских похождениях. О его таинственной затворнице-жене ходило

немало слухов, но не осталось ни единой вещи, способной подтвердить, что она действительно жила в родовом поместье. Джермин, мучимый вопросом, как и зачем нужно было стирать все следы ее пребывания здесь, решил, что виной тому стало помешательство ее мужа. Он вспомнил, что про его прапрапрабабку рассказывали, будто она была дочерью португальского купца, жившего в Африке. Без сомнений, от него она унаследовала рациональность мышления и была прекрасно знакома с нравами Черного Континента, пренебрежительно относясь к россказням мужа о жизни внутри материка, чего последний при своем нраве никак не мог ей простить. В Африке она умерла; должно быть, туда ее потащил муж, намеревавшийся доказать правоту своих слов. Предаваясь подобным размышлениям, Джермин не мог скрыть улыбки при мысли об их бессмысленности, так как со времени смерти его загадочных предков минуло уже полтора века.

В июне 1913 года от господина Верхерена он получил письмо с извещением о том, что мумия богини найдена. Бельгиец заявлял, что это совершенно невероятная находка и лишь специалист был способен ее классифицировать. Только ученому было под силу определить, к какому виду

отнести покойную: человеку или человекообразной обезьяне, и дело весьма затруднит плохое состояние реликвии. Время и климат Конго не щадят мумии, особенно если бальзамированием тела занимается дилетант, что и демонстрирует данный пример. На шее существа на золотой цепочке был пустой медальон с выгравированным гербом, несомненно принадлежавший какому-то злосчастному путешественнику до того, как его забрали нбангу и украсили им богиню. Описывая черты лица мумии, господин Верхерен позволил себе весьма экстравагантное сравнение, а точнее, в шутку заметил, что оно поразит его корреспондента, но его научный интерес к находке значительно превосходил легкомыслие, чтобы попусту тратить слова. По его словам, упакованную надлежащим образом мумию следовало ожидать спустя месяц после получения этого письма.

Днем третьего августа 1913 года ящик с предметом был доставлен в Джермин-Хаус и немедленно перенесен в большую залу с коллекцией африканских экспонатов, добытых сэром Уэйдом и Артуром. О том, что случилось позже, можно судить по рассказам слуг, а также находкам и записям, изученным впоследствии. Наиболее

полным и последовательным представляется рассказ престарелого дворецкого Соамза. По словам этого заслуживающего доверия человека, перед тем как открыть ящик, сэр Артур Джермин отослал всех присутствующих прочь и, судя по стуку молотка и стамески, незамедлительно взялся за дело. На какое-то время все стихло; Соамз не мог сказать, как долго стояла тишина, но меньше чем через четверть часа раздался ужасный крик; несомненно, голос принадлежал Джермину. Вслед за этим Джермин выбежал из залы и бросился ко входной двери столь поспешно, будто по пятам за ним гналось нечто ужасное. Лицо его, и в минуты покоя не отличавшееся приятным выражением, чудовищным образом исказилось. У самых дверей он застыл, словно вспомнил о чем-то, и кинулся назад, к ведущей в подвал лестнице. Ошеломленная прислуга ожидала, что хозяин вот-вот снова появится на ее ступенях, но его все не было. Из подвала до них донесся сильный запах керосина. Когда стемнело, скрипнула дверь, ведущая из подвала во двор, и помощник конюха увидел, как Артур Джермин, облитый керосином с ног до головы, оставляя за собой сильный запах горючего, прокрался во двор и исчез во мраке, направляясь в сторону окружавших

поместье болот. Всеобщий ужас достиг предела, когда они увидели, чем все завершилось. Во тьме вспыхнула искра, разгорелось пламя, объявшее живой факел, и взметнулось до небес. Таков был конец дома Джерминов.

Главная причина, по которой обугленные останки Артура Джермина не стали предавать земле, крылась в том предмете, что находился в ящике. Мумия богини, и без того имевшая отвратительный вид, частично разложившаяся, изъеденная, вне всякого сомнения, принадлежала к неизвестному виду белых человекообразных обезьян, с редким, нехарактерным для описанных приматов волосяным покровом, и поражала своей гнусной схожестью с человеком. Не стоит приводить здесь всех омерзительных подробностей; лишь две из них столь резко бросаются в глаза, что достойны упоминания, поскольку ужасающе точно совпадают с некоторыми из заметок сэра Уэйда Джермина об африканских экспедициях и конголезскими легендами о белом боге и повелительнице обезьян. Вот в чем их суть: герб на золотом медальоне, покоившемся на шее существа, был фамильным гербом Джерминов, а шуточное предположение господина Верхерена, описывавшего иссохшее лицо мумии, касалось

не кого иного, как ранимого Артура Джермина, прапраправнука сэра Уэйда Джермина и его безвестной жены, наглядное, противоестественное сходство с которой было поистине чудовищным. Члены Королевского антропологического института сожгли этот предмет, выбросили медальон в колодец, и некоторые из них отказываются признавать, что Артур Джермин когда-то числился в мире живых.

1921

Примечания

Рассказ написан в 1920 г.

Сначала рассказ назывался «Факты из жизни покойного Артура Джермина и его семьи», однако по требованию редактора журнала, в котором он был впервые напечатан, название было изменено.

Имя главного персонажа — Артур Джермин — писатель заимствовал у первого американского автора так называемых готических романов Чарльза Брокдена Брауна (1771–1810) — Артур Мервин, лишь немного видоизменив его. С Брауном его также связывает интерес к современным научным достижениям и введение их в литературный оборот.

Людмила Володарская